

Армия в политической системе Рима в эпоху кризиса Республики и становления Империи

С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

В статье анализируется проблема путей вовлечения римской армии в политические процессы, приведшие к смене республиканского строя в Риме Империей. Отмечается поэтапное превращение армейского социума из орудия в руках политических и военных вождей в субъекта политических действий. Также обращается внимание на то, что данный процесс обуславливался ростом корпоративной солидарности профессионализирующихся воинов, но при этом сопровождался усилением спонтанности действий армейской массы, что находило выражение в солдатском мятеже. В целом делается вывод, что нарастание политической активности армейской корпорации привело к ее отрыву от остальной части гражданского общества и обусловило милитаризацию всей общественно-политической жизни, вплоть до сведения ее в III в. к «диктатуре легионов».

Ключевые слова: римская армия, политическая система, Римская республика, комиции, законодательство, армейский этос, корпоративная мораль, солдатский мятеж, «республиканская монархия» – Империя.

The article analyzes the ways of involving the Roman Army into the political processes that have led to the change of a republican system in Rome by Empire. It marks the stage-by-stage transformation of the army society from the tool in hands of political and military leaders into the subject of political actions. The article points out that the given process was caused by the growth of corporate solidarity of professional soldiers, but at the same time it was accompanied by strengthening of spontaneity of the army actions, which found its expression in the soldiers' mutiny. The conclusion as a whole is that the increase of political activity of the army corporation has led to its separation from the other part of the civil society and has caused militarization of all the political life, up to its transformation into "dictatorship of legions" in the 3rd century.

Keywords: Rome Army, political system, Rome Republic, comitium, legislation, army ethos, corporate morality, soldiers' mutiny, "Republican monarchy" – Empire.

Упадок полисных институтов Республики, обусловивший военную реформу Мария и одновременно ускоренный ею, наметил превращение римской армии в особое сообщество, неизменно поддерживавшее на выборах своего лидера и его ставленников. Действительно, широко известна роль профессионализирующегося римского войска в событиях гражданских катаклизмов I в. до н.э. Особым проявлением растущей политической роли солдат и ветеранов в период упадка Римской республики было их участие на выборах высших магистратов. Правда, армии запрещалось вступать на территорию самого Рима. Тем не менее существовали объективные юридические и сакральные условия, обеспечивавшие для солдат возможность участия в народном собрании. *Comitia centuriata*, на которых производились выборы высших магистратов, находились на Марсовом поле, т. е. за границами померия. Соответственно, участие войска в этих комициях было вполне законным. Данную возможность использовал Цезарь, когда в 55 и 51 гг. до н.э. прислал из Галлии своих солдат, чтобы те приняли участие в выборах и поддержали угодных ему кандидатов (Plut. Pomp., 51, 58; idem. Crass. 14; Cass. Dio. XXXIX. 31). Также большое значение имела поддержка ветеранов. Они постоянно пребывали на территории Италии и в случае необходимости могли прибыть в Рим и принять участие в голосовании.

Голоса солдат и ветеранов могли иметь решающее значение для окончательных результатов выборов (Cic. Pro Mur. 38).

Активность солдат и ветеранов на выборах могла иметь также и другие формы, состоящие в рекомендации своим родственникам и знакомым кандидатуры полководца или его креатуры. Плутарх сообщает, что Марий в 108 г. до н.э., стремясь победить в консульских выборах, сумел расположить к себе солдат, воюющих в Нумидии против Югурты, и те

направили своим родственникам и друзьям письма, в которых рекомендовали голосовать за Мария как единственного, кто мог довести войну до скорейшего завершения (Plut. Mar. 7).

Солдаты и ветераны поддерживали своих вождей или кандидатов, ими предложенных, не только с помощью таких легальных методов, как голосование или рекомендации знакомым, они также использовали различные средства давления на избирателей. Первые попытки использования солдат и ветеранов в выборах в означенных условиях имели место в 101–100 гг. до н.э. Они были связаны с политической деятельностью Луция Апулея Сатурнина и Гая Сервилия Главция. Благодаря принятию соответствующего аграрного законодательства 103 и 100 гг. до н.э., которое обеспечивало наделение землей ветеранов Мария, эти лидеры популяров получили их поддержку во время выборов (App. В.с., I, 28–30; Plut. Mar., 28–29). В 101 г. до н.э. Сатурнин баллотировался на должность народного трибуна. Во время голосования, когда было выбрано уже девять трибунов и все указывало на то, что десятым будет сторонник оптиматов Авл Нонний, люди Сатурнина спровоцировали суматоху, во время которой Нонний был убит (App. В.с. I. 28; Plut. Mar. 29; Flor. II. 4; Oros. V. 17. 3). Из эпитом Ливия следует, что это убийство Сатурнин организовал при помощи солдат. Причем наиболее правдоподобно было бы предположить, что это были ветераны Мария (Liv. Per. 69).

С использованием подобных же методов проходили выборы консулов в 100 г. до н.э. Кандидатами были М. Антоний (известный оратор), Гай Меммий (народный трибун 111 г. до н.э.), а также совместно Сатурнин и Главция. Когда в результате голосования уже был избран М. Антоний, а подсчет голосов все более указывал на неминуемую победу Меммия, сторонники Сатурнина напали на Меммия и убили его (App. В.с. I. 32; Liv. Per. 69; Oros. V. 17. 5). Правда, из имеющихся в наличии источников трудно установить, кто совершил убийство, однако по аналогии можно предположить, что это дело рук все тех же ветеранов Мария.

Использование армии для оказания давления в ходе выборов приняло широкие масштабы в 77 г. до н.э. Консул 78 года Марк Эмилий Лепид, который был главой движения за восстановление сулланского законодательства, специально спровоцировал политический кризис. Будучи в Этрурии с войсками, направленными на подавление мятежа, он отказался прибыть в Рим для проведения выборов, что вело к объявлению *interregnum* (App. В.с. I. 107; Saill. Hist. I. 77. 22). Лишь с началом 77 г. Лепид решил идти на Рим и стал с войском в окрестностях города (Saill. Hist. I. 77. 15). Т. е. Лепид добивался включения своей кандидатуры на очередные консульские выборы. Однако это противоречило *leges annales* и *lex Cornelia de magistratibus*, запрещающим повторный консулат в течение десяти лет. Представляется правдоподобным, что намерение Лепида состояло в использовании факта нахождения под его началом армии, расположившейся вблизи Рима, для оказания давления на сенат. Однако Лепиду не удалось добиться желаемого – сенат использовал против него другую армию, сражение с которой закончилось поражением Лепида (App. В.с. I. 107).

Другой пример использования армии для обеспечения благоприятных результатов выборов имел место в 71 г. до н.э. В консульских выборах участвовали Помпей и Красс. Однако первый, согласно *leges annales*, не мог на законных основаниях претендовать на данную магистратуру. Помпею в это время было 35 лет, в то время как минимальный возраст для занятия консульского кресла составлял 43 года. Кроме того, Помпей не прошел ни одной из установленных законом ступеней *cursus honorum* (App. В.с. I. 107; Plut. Pomp. 21; Liv. Per. 97). Красс в этом отношении находился в лучшем положении: достиг необходимого возраста и уже имел ранг претора (App. В.с. I. 121; Liv. Per. 96, 97). Однако решающую роль сыграл тот факт, что в распоряжении этих кандидатов имелись находившиеся вблизи Рима войска (Помпей незадолго перед тем вернулся во главе войск, действовавших против Сертория, а Красс не успел еще распустить армию, сражавшуюся со Спартаксом) (App. В.с. I. 121; Plut. Pomp. 21–22; idem. Crass. 11–12). Сенат был вынужден пойти на уступки: было принято специальное постановление, в порядке исключения освобождавшее Помпея от требований *leges annales* относительно возраста и *cursus honorum* (Cic. De imp. Cn. Pomp. 62).

Можно предположить, что помощью своих испанских ветеранов Помпей пользовался и позже. Соответствующую гипотезу предложил Р. Смит, который считал, что ветераны

Помпея сыграли решающую роль во время выборов народных трибунов в 68 и 67 гг. до н.э., поддержав кандидатуры Габиния и Манлия [1, р. 82–85].

Показательной для оценки роли солдат и ветеранов в выборах была избирательная кампания 63 г. до н.э. За консулат боролись Л. Лициний Мурена, Д. Юний Силан, С. Сульципий Руф, а также уже в четвертый раз Л. Сергий Катилина. Кандидаты активно пользовались подкупом избирателей, что стало причиной принятия двух SC (сенатских постановлений), а также *lex Tullia de ambitu* (Cic. Pro Mur. pass.; idem. Pro Sull. 51; Plut. Cic. 14; Cass. Dio. XXXVII. 29).

Однако Катилина рассчитывал также на поддержку ветеранов Суллы. Согласно Плутарху и Цицерону, Манлий, чтобы обеспечить победу на выборах Катилины, должен был привести из Этрурии на комиции ветеранов (Plut. Cic. 14; Cic. Pro Mur., 49). Как известно, Катилина выборы проиграл. Консулами стали Мурена и Силан. Причем здесь необходимо обратить внимание на то, что в выборах принимали участие ветераны Лукулла, легатом которого в войне с Митридатом был как раз Мурена. На решающую роль этих обстоятельств для победы противника Катилины указывает Цицерон (Cic Pro Mur., 37).

На консульских выборах 50-х гг. I в. до н.э. своих солдат неоднократно использовал Цезарь. Так было в 55 г., когда Цезарь поддержал кандидатуры двух других членов первого триумvirата – Помпея и Красса (Cass. Dio. XXXIX. 27–29, 31; App. В.с. II, 17; Plut. Pomp. 51–52; idem. Crass. 14–15; idem. Cat. Min. 41; Val. Max. VI, 26). В 54 г. Цезарь имел намерение таким же образом поддержать на консульских выборах кандидатуру Гая Меммия (Cic. Ad Att. IV, 16, 6). Также в 51 г. Цезарь прислал из Галлии на выборы солдат, чтобы поддержать кандидатуру М. Калидия (Plut. Pomp. 58).

Таким образом, в I в. до н.э. римская армия становится существенной силой, действия которой имели иногда для результатов выборов решающее значение. Разумеется, даже несмотря на данную динамику, все же не во всех случаях, как мы можем видеть, использование солдат и ветеранов в качестве направляемой электоральной силы было результативным. В ряде случаев лишь прямое насилие или угроза его применения приводили к искомому результату. С другой стороны, стоит обратить внимание и на то, что армию использовали в политической борьбе как оптиматы, так и популяры. А это уже создавало в перспективе предпосылку к превращению армии из орудия в руках политических лидеров в корпоративную силу, в принципе способную навязывать политикам свою волю [2, с. 185]. Однако результативность такого «навязывания воли» требовала сплоченности войска. Армия же Рима превращается в относительно замкнутую социальную структуру лишь в эпоху Империи, когда в условиях отмирания избирательной системы Республики для выражения корпоративной воли солдатской массы не остается ординарных политических средств. Именно мятеж становится тем более неизбежной формой политической активности солдат, чем интенсивней шел процесс замыкания данного социума, превращавшегося в особую корпорацию [3, с. 57].

Такого рода корпоративность, заложенная реформой Мария, уже на заре Империи была очевидным фактором политической жизни. В этот период легионы, реализуя свою коллективную волю, добивались соглашения между наследниками Цезаря. Так, набранные Октавианом ветераны оставляют его, когда им становится известно, что им предстоит отправиться на войну с Антонием (App. В.с. III. 41–42). Воины Антония и Октавиана, которые прежде служили в одних легионах, неоднократно отказывались сражаться друг против друга (Cic. Ad. fam. XI. 10. 4), мирили вождей цезарианской партии, то есть выступали с инициативой принятия политических решений, обусловленных корпоративным сознанием легионеров (App. В.с. XXIII. 46–47). А.В. Игнатенко в этой связи пишет, что в 40-е гг. I в. до н.э. «значение легионов как политической силы достигло такой степени, что это начинают осознавать сами легионеры, особенно их профессиональное ядро из ветеранов и центурионов, пытающееся оказать давление на политику и поведение самих полководцев» [4, с. 120]. Судя по всему, стремлением Августа «деполитизировать» войско была вызвана военная реформа, одним из составляющих которой было массовое увольнение в отставку ветеранов участников гражданских войн [5, с. 116]. И если во времена Республики проявление политической активности солдат, в частности, если говорить о периоде гражданских войн 40–30-х гг. до н.э.,

в источниках мятежом (*seeditio, tumultus, turbulentus*) не называется, то иная ситуация наблюдается относительно эпохи Империи. Это закономерно: с августовской «деполитизацией» армии спонтанность действий солдатской массы должна была возрасти.

Вместе с тем авторы императорского времени по сути своими сообщениями свидетельствуют о наличии определенной программной линии в требованиях и поведении мятежных войск. Так, Веллей Патеркул, повествуя о мятежах легионов, имевших место в 14 г., пишет: «Войско, действовавшее в Германии и находившееся под непосредственным командованием Германика, и одновременно легионы, находившиеся в Иллирике, ... потребовали себе нового военачальника, новый устав, новое управление. Они даже осмелились утверждать, что дадут сенату, принцепсу законы, и сами попытались установить себе размер жалования, сроки службы» (пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой) (*Vell. Pat. II. 125. 1–2*).

Иначе говоря, солдаты, выступая, на первый взгляд, совершенно стихийно с требованиями социального характера, не останавливались ради удовлетворения таковых перед решительными действиями уже по сути политического характера. Вероятно, именно так следует понимать угрозу «дать законы». Отсюда допущение элемента относительной организованности действий мятежных солдат.

Относительно социальных требований солдат авторы высказываются достаточно определенно. Это, прежде всего, уже упомянутые увеличение жалования и сокращение сроков службы. У Тацита приводится также версия о таком мотиве бунта, как «надежда на добычу в междоусобной войне» (*Tac. Ann. I. 16*). Гораздо убедительнее указания на «жестокость центурионов» (*Tac. Ann. I. 23, 31*). В ходе упомянутого мятежа германских легионов солдаты, обращаясь к Германику, приводят достаточно длинный список претензий. Бунтующие солдаты в ответ на вопрос о причинах возмущения «обнажают тела, укоризненно показывая ему на рубцы от ран, следы плетей; потом они наперебой начинают жаловаться на взятки, которыми им приходится покупать увольнение в отпуск, на скудость жалования, на изнурительность работ, упоминают вал и рвы, заготовку сена, строительного леса и дров» (пер. А.С. Бобовича) (*Tac. Ann. I. 35*).

Требование облегчения тягот, связанных со строительными и другими работами, представляется тем более симптоматичным для характеристики солдатского мятежа, что именно посредством работ в римской армии традиционно поддерживалась дисциплина. На этот счет достаточно красочные примеры и рекомендации дают «теоретики» военного строительства Фронтин и Вегеций (*Fronto. Strat. I. 9; IV. 1; Flav. Veg. III. 4*). Выступая за ограничение работ, солдаты таким образом выступали с требованием изъятия принципиального элемента римского армейского этоса – дисциплины. Вообще, праздность солдат, как это представлялось современникам, являлась одной из важнейших предпосылок солдатского своеволия (*Tac. Ann. II. 55; XIII. 35; SHA. Res. Nig. 3. 10–11; Avid. Cass. 5. 2; Alex. Sev. 53. 2, 7*). Однако данная позиция авторов не отменяет программной сути социальных требований солдатской массы, которые в основном были ориентированы на получение достойной награды по итогам службы. Не случайно во время встречи Германика с мятежными солдатами «громче всех шумели в рядах ветераны» (пер. А.С. Бобовича) (*Tac. Ann. I. 35*).

В эпоху Принципата солдаты легионов, т. е. не преторианцы, относительно редко становились субъектом принятия решений по кандидатурам на высшую власть в государстве. Одним из подобных случаев для периода Юлиев – Клавдиев представляется момент в развитии бунта германских легионов в 14 г., о котором пишет Светоний: «Германские войска не желали даже признавать правителя (Тиберия. – *C.T.*), не ими поставленного, и всеми силами побуждали к захвату власти начальствовавшего над ними Германика, несмотря на его решительный отказ» (пер. М.Л. Гаспарова) (*Suet. Tib. 25. 1–2*). Далее, начиная с мятежа, приведшего к власти Максимиана Фракийца, возникает обычай, когда легионеры «принуждают» императора взять власть, прибегая при этом даже к угрозам физической расправы (см. *Herod. VI. 8–9*).

Вегеций пишет о солдатском мятеже, что «никогда вся масса по единодушному решению не нарушает порядка». Однако он же указывает, что эта солдатская масса «подстрекается немногими, которые надеются на безнаказанность за свои пороки и преступления в случае, если их вину разделят многие» (*Flav. Veg. III. 4*). В тацитовом рассказе о восстании в

паннонских легионах упоминаются некоторые возможные вожаки выступления. Таким агитатором, призывавшим к мятежу, был «некий Перценний, в прошлом глава театральных клакеров, затем рядовой воина, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалить сборища» (Тас. Ann. I. 16). Подобный же тип зачинщика мятежа представляет собой другой агитатор бунта, некий рядовой воин по имени Вибулен (Тас. Ann. I. 22). Сам факт сохранения этих имен в сообщении Тацита может быть косвенным указанием на достаточно активную Перценния и Вибулена, а также их единомышленников. Во всяком случае, в представленных Тацитом примерах угадывается отнюдь не спонтанность, но вероятная долговременность действий агитаторов типа Перценния. Косвенным указанием на некое подобие активного ядра восстания является разделение Тацитом участников мятежа на группы по степени включенности в действия, направленные против командиров (Тас. Hist. I. 52).

Таким образом, положение армии в политической системе Рима на рубеже Республики и Империи меняется под влиянием некоторых факторов. Основными из таковых стали, во-первых, свертывание полномочий и деятельности комиций, а во-вторых, прогрессирующее превращение армии в закрытое сообщество. Именно солдатский мятеж эпохи Принципата представляется явлением, известным образом отмечающим осознание солдатами своих корпоративных интересов. Реализуясь как корпоративная сила, армия в течение периода кризиса Республики и становления «республиканской монархии» поэтапно превращается из объекта политических манипуляций вождей в субъекта политической системы Принципата, задавая своими действиями стратегическую линию государственного развития. Закономерным итогом данной тенденции явилась «диктатура легионов», ставшая одним из проявлений кризиса III в. [6, с. 52].

Литература

1. Smith, R.E. The lex Plotina Agraria and the Pompey Spanish Veterans / R.E. Smith // *Classical Quarterly*. – 1957. – № 2. – P. 76–99.
2. Игнатенко, А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики / А.В. Игнатенко. – Свердловск : Средне-Уральское книжн. изд-во, 1976. – 214 с.
3. Махлаюк, А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности / А.В. Махлаюк. – Нижний Новгород : изд-во Нижегородск. ун-та, 2000. – 235 с.
4. Игнатенко, А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре / А.В. Игнатенко. – Свердловск : изд-во Уральского ун-та, 1988. – 157 с.
5. Парфенов, В.Н. Император цезарь Август: Армия. Война. Политика / В.Н. Парфенов. – СПб. : Алетейя, 2001. – 278 с.
6. Сергеев, И.П. Римская империя в III в. нашей эры. Проблемы социально-политической истории / И.П. Сергеев. – Харьков : Майдан, 1999. – 223 с.